

Войтович Леонид Васильевич

Кандидат педагогических наук, доцент – военнотружующий Министерства обороны РФ.

Сергеев Илья Витальевич

Эксперт АНО «Центр перспективного анализа и стратегических исследований», студент Российского государственного социального университета.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ДЕЛИКТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИИ В СВЯЗИ С ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ

Библиографическая ссылка на статью: Войтович Л.В., Сергеев И.В. Трансформация института деликтной ответственности в связи с Первой Мировой войной // Право и образование. - №10, 2016. – С. 149-158.

В статье рассмотрен институт деликтной ответственности в России в период Первой мировой войны. Исследованы изменения взглядов на его основные положения. Проанализированы нормы, регламентирующие возмещение гражданам вреда, причиненного государством. Приведены взгляды юристов на понятие «невозможности» исполнения обязательств и понятие «непреодолимой силы».

***Ключевые слова:** право Первой мировой войны, деликтное право, деликтные правоотношения, обязательства, вред, убытки, гражданско-правовая ответственность, ответственность вследствие причинения вреда, государственное вознаграждение.*

Институт деликтной ответственности в законодательстве Российской империи нашел достаточно полное отражение в законодательных памятниках конца XIX – начала XX в. Нормы, регулирующие ответственность вследствие причинения вреда, в большинстве своем, были отражены в статьях Свода законов гражданских [9], а также в Законе 21 марта 1851 г. [5].

Несмотря на то, что указанные нормы в основном были рецепированы из аналогичных законодательств других государств и содержали значительное количество пробелов и коллизий, что вызывало существенные трудности при их реализации на практике, к началу XX в. был создан относительно завершённый механизм привлечения правонарушителя к ответственности за причиненный вред и убытки. Характер вреда отечественные правоведы классифицировали на деликты, причиняющие вред имущественного характера и деликты, причиняющие неимущественный вред. Но большее внимание законодателем уделялось именно развитию механизма привлечения правонарушителя к ответственности за имущественный вред. Однако, большинство норм представляли собой конкретизацию возможных

правонарушений, которые могли послужить основанием для наступления деликтных правоотношений, что также являлось проблемой еще в древнеримском праве, где, например, в Законах XII таблиц не охватывались все возможные источники возникновения деликтной ответственности.

Впоследствии, в законодательных актах Российской империи, разработанных до Первой мировой войны (1914 – 1918 гг.) (далее - Война), прослеживаются попытки законодателя уйти от конкретики и выработать единые основания наступления деликтной ответственности [8]. Примером может послужить проект Гражданского уложения, который утратил свою актуальность еще до того, как был принят, по причине серьезных социально-политических изменений, вызванных Войной.

Война внесла существенные изменения как в международные правоотношения в общем, так и в отечественные гражданские, в частности. Отечественная судебная практика столкнулась не только с серьезными затруднениями при рассмотрении договорных споров, причиной которых явилась объективная невозможность исполнения договорных обязательств в связи с военными действиями, но и с большим количеством исков, связанных с причинением внедоговорного вреда, как непосредственно от военных действий, так и косвенно, например, за реквизированное или целенаправленно уничтоженное по распоряжению военного командования имущество в целях его использования для военных нужд. То есть, все возникшие в связи с Войной правоприменительные проблемы относительно к наступлению гражданско-правовой ответственности можно было классифицировать на две группы:

- первая – объективные, то есть вызванные непосредственно военными действиями. Например, разрушение частного имущества на поле боя или невозможность исполнения договорных обязательств по страховке на оккупированной территории;

- вторая – субъективные, то есть не связанные с прямым ущербом от боевых действий, а вызванные распоряжениями военного командования. К таким проблемам можно отнести, например, использование частных территорий для организации места дислокации воинского соединения или разрушение построек в целях организации укреплений.

Попытки разрешения указанных проблем встречаются во многих научных трудах изучаемого периода. Краеугольным камнем дискуссий правоведов стало значение понятия «гражданская вина», которое, по сути, в период военных действий имело огромное значение.

Цивилисты Российской империи по их взглядам на сущность обязательств вследствие причинения вреда делились на две группы. Одни полагали, что обязательной компонентой, необходимой для наступления ответственности является вина правонарушителя. Другие придерживались точки зрения, что наличие вины является необязательной, важен сам факт причинения вреда, так как основной целью ответственности было не наказание правонарушителя, а возмещение понесенных потерпевшим убытков [5, с. 56].

В довоенный период, большинство юристов поддерживали первую точку зрения. Но с началом боевых действий пришло осознание того, что далеко не всегда вред причиняется по вине правонарушителя, так как имеют место объективные ситуации, которые привели к причинению вреда.

«Должен ли быть такой вред возмещен?» - главный вопрос, на который пытались ответить многие правоведы. В поддержку принципа необходимости возмещения вреда независимо от наличия вины высказывался Я.А. Канторович, который отмечал, что за виновные проступки карает уголовное законодательство, констатируя: «уголовное право имеет своей целью исключительно воздействие на волю человеческую, на злую, заблуждающуюся волю» [3, с. 11]. Гражданское же право, в свою очередь, охраняет исключительно нарушенные права граждан. Аналогичную позицию занимает и С.А. Беляцкий, отмечая, что для возмещения вреда, причиненного действиями государственных и должностных лиц в период боевых действий достаточно нормы ст. 574 Ч. 1 X тома Свода законов гражданских: «... ст. 574 X т. 1 ч. дает достаточное основание для возложения на казну денежной ответственности за лишение кого-либо прав ему принадлежащих, правомерным распоряжением власти, если только не те убытки, которые по закону относятся к разряду невознаграждаемых» [1, с. 7]. Из изложенного представляется возможным полагать, что к началу XX в. представители отечественной гражданско-правовой науки окончательно определились с вопросом о сущности гражданско-правовой ответственности. Объективно возникшие обстоятельства в виде Войны дали понять, что цель деликтных обязательств – возмещение понесенного потерпевшим вреда, а не наказание правонарушителя.

Не менее актуальное значение в связи с Войной приобрел вопрос относительно невозможности исполнения обязательств. Так в научной литературе изучаемого периода встречаются точки зрения, в соответствии с которыми «невозможность» могла быть двух видов: фактическая и юридическая. При этом значение понятия «фактическая невозможность» очевидно. Под фактической невозможностью понимались объективные обстоятельства, сложившиеся в связи с Войной, по которым делинквент не мог исполнить обязательства или возместить потерпевшему вред. Примером может послужить ситуация с отсутствием у правонарушителя денежных средств. В свою очередь, понятие «юридическая невозможность» было достаточно размытым. Но очевидно, что фактическая невозможность практически во всех случаях не совпадала с юридической невозможностью. Не понятно, при каких обстоятельствах делинквент освобождался от исполнения обязательства. Законодательство изучаемого периода не вносит ясности в данную проблему. По-видимому, каждые, имевшие место быть, случаи рассматривались судами в контексте ряда субъективных и объективных факторов.

Сама невозможность исполнения обязательств носила субъективный и объективный характер. Я.А. Канторович приводит следующее описание субъективной и объективной невозможности: «...под субъективной невозможностью следует разуметь невозможность исполнения обязательства только для данного конкретного должника, а под объективной – таковую, когда исполнение невозможно для всякого третьего» [3, с. 117]. Приведенной цитаты достаточно, чтобы сформулировать понимание субъективной и объективной невозможности исполнения обязательства в период Войны. Под первой понималась совокупность индивидуальных обстоятельств, не позволяющих конкретному субъекту правоотношений понести гражданско-правовую ответственность, которую он обязан понести. Под объективной

невозможностью понималась совокупность обстоятельств, возникших независимо от воли, действий (бездействия) субъектов правоотношений из-за которых он не мог понести гражданско-правовую ответственность, которую он обязан был понести.

Применительно к ответственности вследствие причинения вреда понятие невозможности определено не было. Встречались лишь отдельные нормы, характеризующие возникновение правоотношений, связанных с причинением вреда ввиду нарушения договора по невозможности его выполнения. Так в решении Сената № 82 от 1912 г. определено: «Коль скоро имущество уничтожилось и для одной стороны исполнение обязанностей из договора найма вытекающих сделалось невозможным, то с точки зрения продолжения договора найма представляется уже совершенно безразличным, по какой причине имущество уничтожилось, вследствие ли случайного события и непреодолимой силы, или же по вине наймодавца или нанимателя, или, наконец, по вине третьих лиц: во всех этих случаях договор найма должен прекратиться, ибо договор найма всегда предполагает существование имущества, в наем отданного. С уничтожением имущества по чьей бы то ни было вине, договор найма прекращается, а между сторонами может возникнуть новое юридическое отношение, из правонарушения или из подобного тому основания (ст. 574 т. X ч. 1)» [8]. В данном случае, имущество, являющееся предметом договора найма, было уничтожено по вине самого нанимателя, однако ответственность последнего была выведена из договорных правоотношений (в силу фактического отсутствия имущества) и введена в сферу деликтной ответственности. И в дальнейшем, по-видимому, подобные случаи рассматривались в соответствии со ст. 684 ч. 1 т X Свода законов гражданских.

Последующие законодательные разъяснения в этой области были связаны с Решением Сената № 76 от 1907 г., а также Решением сената № 29 от 1910 г., в которых, как отмечает Я.А. Канторович «Сенат устанавливает различие между невозможностью объективной и невозможностью субъективной» [3, с. 122]. При этом объективная невозможность являлась основанием для прекращения обязательства, а вот субъективная не исключала обязанность делинквента выполнить обязательство. Однако анализ указанных решений не снимает полностью вопрос относительно того, какие же обстоятельства признавались достаточными для прекращения обязательства. В указанных документах к объективной невозможности исполнения обязательств Сенат относит лишь перевод человека к другому месту службы в связи с боевыми действиями.

Возвращаясь к вопросу о невозможности исполнения обязательств, необходимо еще раз отметить, что она могла быть двух видов: фактическая и юридическая. Несмотря на то, что некоторые авторы выделяют еще и экономическую невозможность, по отдельным признакам, ее можно считать составной частью фактической невозможности. К фактической невозможности исполнения обязательства относились хозяйственные причины (т.е. экономические), вызванные Войной, по которым делинквент не мог выполнить обязательство. К юридической невозможности относится невозможность привлечения делинквента к ответственности за невыполнение или не надлежащее выполнение обязательства. Анализ законодательства,

принятого в период военных действий свидетельствует о том, что ни в одном из нормативных правовых актов Война, в широком смысле, не упоминается как обстоятельство, исключаящее обязанность исполнения обязательств или объективная причина невозможности исполнения оно. В качестве таковых называются отдельные обстоятельства, вызванные Войной. Среди некоторых обстоятельств обозначаются «нашествие неприятеля» (ст. 1689 ч. 1 т. X Свода законов гражданских), «распоряжения правительства по военным обстоятельствам», «истребление поставляемых предметов по военным обстоятельствам» и др.

Важно также отметить, что предусматривалась процедура временного приостановления исполнения обязательства. В том случае, если возникала объективная невозможность его исполнения, но было очевидно, что невозможность эта временная, то определялся срок, по истечении которого делинквент обязан был возместить вред (исполнить обязательство). В этом случае, с правонарушителя не взыскивались те убытки, которые потерпевший понес от несвоевременного исполнения обязательства. С.А. Беляцкий по этому поводу отмечал: «Свободный от вредных последствий несвоевременного исполнения не освобождается от самого исполнения, если оно окажется возможным по миновании действия непреодолимой силы. Кредитор в этом случае может требовать исполнения с освобождением должника от убытков за несвоевременное исполнение» [2, с. 71].

Война также послужила предпосылкой к переосмыслению понятия «непреодолимая сила». Ранее все представления о непреодолимой силе можно было классифицировать на две группы. По первому представлению к непреодолимой силе можно было отнести лишь узкий круг обстоятельств, которые можно было перечислить: землетрясение, наводнение, шторм и еще несколько стихийных бедствий. Представители второй группы придерживались точки зрения, что к понятию непреодолимой силы можно отнести обстоятельства, которые невозможно было предвидеть. Но в ходе боевых действий правоведы убедились, что, ни первая, ни вторая позиции не могут быть применены в период Войны. Именно поэтому Ф.И. Осецким была выдвинута в 1915 г. точка зрения, по которой для определения имела ли место быть непреодолимая сила необходимо наличие причинной связи между явлениями непреодолимой силы и неисполнением обязательства. Автор описывает это следующим образом: «...война представляет собой явление непреодолимой силы, но если неисполнение обязательства не может быть поставлено в причинную связь с войной, если война не могла помешать исполнению обязательства, если обязательство могло быть исполнено несмотря на войну, тогда она не может быть признана явлением непреодолимой силы для данного юридического правоотношения» [6, с. 7]. Схожую точку зрения высказывает Я.А. Канторович. В основу понятия «непреодолимая сила» юрист ставит понятия «случай» и «случайность». Он противопоставляет их понятию «вина». Правовед констатирует: «Понятие «случай» обнимает собой такие события, которые сами по себе или в отношении произошедших от них последствий явились вне волевой сферы человека или даже вопреки воле его и им не предвидены, не предотвращены не могли быть, несмотря на все меры предосторожности, которые требовались и возможны были для данного лица

при данных обстоятельствах. Событие, причинившее вред, само по себе могло быть предвидено, но вредные последствия не могли быть предвидены и предотвращены, и, наоборот, не могло быть предвидено само событие, которое, будь оно предвидено, не привело бы, благодаря мерам предосторожности к вредным последствиям» [3, с. 41]. То есть, случайными могли быть признаны, или событие, которое в данном случае являлось причиной, или непосредственно произошедший вред. Также, это позволяет сделать вывод о том, что «случай», как противоположность вине, определялся как конкретное соотношение волевых и неволевых элементов причинной связи между лицом и возникшим ущербом.

Другой важный вопрос, получивший свое развитие в связи с военными действиями – государственное вознаграждение за вред и убытки. В гражданском праве Российской империи конца XIX в. признавалась возможность причинения вреда частному лицу как со стороны государства за «нарушение договора (государственные закупки, поставки)», так и за «причинение частному лицу внедоговорного вреда со стороны государственного служащего» [8; 4, с. 3]. В связи с Войной актуальным стал вопрос о государственном вознаграждении (за счет казны) за убытки, понесенные непосредственно от военных действий (за реквизированное или испорченное имущество). Он вызывал достаточно оживленные споры среди правоведов. Причиной тому отсутствие единого механизма правового регулирования указанной области правоотношений. Подобный механизм появился лишь в 1916 году в связи с принятием Приказа по военному ведомству от 6 октября 1916 г. № 558. Данный документ утверждал «Правила о порядке расчетов в военное время в районе театра военных действий за имущество, реквизированное или уничтоженное по распоряжениям военного начальства и уполномоченных им гражданских властей, а равно за убытки, причиняемые неправильными действиями войсковых частей» (далее – Правила). В соответствии с Правилами возмещению за счет казны подлежали:

- убытки имущественного характера, понесенные от реквизиции предметов в военных целях, но только в тех случаях, когда указанные вещи были отчуждены по распоряжению военного командования или уполномоченных на то гражданских чиновников и переходили во владение казны;

- убытки, понесенные от уничтожения посевов. При этом законодатель конкретизирует способы возможного уничтожения: «на корню, в снопах, копнах, стогах, скирдах и в обмолоченном виде» [7, с. 2]. Для оценки стоимости посева назначалась предварительная оценка и окончательная оценка. До момента проведения окончательной оценки потерпевшему выплачивалось 25% средств от суммы, определенной предварительной оценкой, а в крепостных районах на месте выдавалось 50% от данной суммы;

- убытки, понесенные от уничтожения иного вида имущества, уничтоженного по распоряжению военного руководства или уполномоченных на то гражданских властей. В данном случае процедура оценки была аналогична оценке стоимости уничтоженных посевов для имущества, которое находилось на неоккупированной территории. Для имущества, находящегося на

территории, оккупированной противником, назначалась предварительная оценка и потерпевшему выплачивалась сумма в размере 25% от назначенной суммы по предварительной оценке.

Интерес также представляет сама процедура предварительной оценки посевов и имущества, находящегося на оккупированной противником территории. В ст. 2 Правил конкретизируется, что сама по себе предварительная оценка не является доказательством факта уничтожения имущества или посевов. Более того, сумма, определенная к выплате в ходе предварительной оценки считалась относительной. В том случае, если в ходе окончательной оценки было установлено, что уничтожение имущества не подпадает под вознаграждение или сумма, определенная в ходе предварительной оценки превышает реальную стоимость имущества, гражданин, получивший ее, обязан был вернуть ее без каких-либо притязаний. По результатам предварительной оценки реквизированного имущества потерпевшему выдавалась реквизиционная квитанция, которая являлась основным документом, позволяющим получить указанную в ней выплату.

Остальные виды убытков, не подпадающих под приведенный перечень, должны были возмещаться либо за счет средств, имеющихся в распоряжении войсковых частей либо путем подачи ходатайства о возмещении в Главный комитет по делам о расчетах за реквизированное или уничтоженное по распоряжению властей имущество.

В целях эффективного функционирования механизма возмещения убытков были учреждены специальные оценочные и контрольные органы. В ст. 6 Правил приводятся Главный комитет по делам о расчетах за реквизированное или уничтоженное по распоряжению властей имущество (далее – Комитет), ликвидационные комиссии, оценочные комиссии, реквизиционные комиссии, войсковые комиссии. К компетенции указанных учреждений была отнесена оценка убытков, подлежащих возмещению, а также выплата компенсаций. Комитет выполнял в основном надзорно-контрольные функции, а также функции последней инстанции по делам о возмещении убытков.

Основную работу выполняли ликвидационные и реквизиционные комиссии. Они формировались по региональному принципу и включали в себя, как правило, несколько отделов. В каждом из отделов были специалисты от Министерства внутренних дел, Министерства финансов, Военного ведомства. Им было вверено решение всех дел по возмещению убытков, понесенных гражданами от военных действий. В случае если потерпевшего не устраивало решение комиссии, он имел право, либо подать протест, либо обратиться в Комитет.

Процессуальный порядок рассмотрения каждого дела имел определенные особенности. Так некоторые дела могли быть рассмотрены членами одного отдела, а некоторые рассматривались на общем собрании ликвидационной комиссии, которое возглавлял председатель последней. Допускалось участие потерпевшего в заседании, а также приглашенных свидетелей.

Оценочные комиссии, как это следует из самого названия, выполняли оценочные функции при рассмотрении дела о возмещении убытков. Они учреждались по региональному принципу, аналогично ликвидационным

комиссиям. Но необходимо отметить, что оценочные комиссии могли осуществлять оценку только того имущества, которое находилось на неоккупированной противником территории. Для случаев, когда имущество находилось на оккупированной территории – собирались «Особые оценочные комиссии» (ст. 51 Правил). Как правило, региональный принцип учреждения комиссий предполагал одну комиссию на уезд. При необходимости могли организовываться подкомиссии. Но они осуществляли лишь подготовительные действия к рассмотрению заявлений, а также осуществляли прием самих заявлений. После получения заявления представители комиссии должны были выехать на «местное обследование» (ст. 60 Правил). При оценке имущества на месте представители комиссии могли также опрашивать свидетелей, которые должны были описать имущество до его уничтожения. Результаты «местного обследования» заносились в протокол.

Деятельность реквизиционных комиссий была схожа с деятельностью оценочных комиссий. Но реквизиционные комиссии осуществляли оценку имущества подлежащего отчуждению не постфактум, а непосредственно перед его отчуждением. По результатам реквизиции составлялся акт. В том случае, если для оценки имущества требовались специальные познания, реквизиционная комиссия имела право привлекать независимых экспертов в той или иной области. По результатам оценки владельцу имущества выплачивалась сумма, а с него бралась расписка о получении денежных средств.

Порядок возмещения убытков, понесенных гражданами неправильными действиями войсковых частей, определялся теми же Правилами. Прием и рассмотрение жалоб на неправомерные действия войсковых частей осуществлялся войсковыми комиссиями. Жалобы в войсковые комиссии подавались через уездные оценочные комиссии. Для этого последние должны были верно установить конкретную войсковую часть, причинившую ущерб. Порядок оценки понесенного вреда был типовым. Члены комиссии могли либо выезжать на место, где имело место быть уничтожение имущества, либо заседание комиссии проходило заочно. Для более точной оценки привлекались свидетели, которым в том случае, если предоставленные ими сведения считались полезными, выплачивался гонорар в размере, определенном комиссией. В том случае, если комиссия принимала решение, что вред действительно имел место быть, то соответствующие денежные средства направлялись в уездную оценочную комиссию, которая выплачивала их потерпевшему под расписку. Последняя возвращалась в войсковую комиссию. Постановления войсковых комиссий обжалованию не подлежали. В том случае, если войсковая комиссия отрицала факт причинения вреда, она оформляла это заключением, которое предоставлялось командующему армией. После утверждения командующим армией, дело передавалось в Ликвидационную комиссию и могло быть рассмотрено последней на общих основаниях.

Таким образом, еще раз необходимо отметить, что правовая система Российской империи конца XIX – начала XX в. в общем и институт деликтной ответственности в частности оказались неготовыми к изменениям в социально-правовой сфере, вызванным Первой мировой войной. Анализ трудов правоведов исследуемого периода показывает, что в них содержалась лишь

констатация правоприменительных проблем. Позже, начиная с 1915 года, некоторые из проблем последовательно решались. Это послужило предпосылкой для переосмысления природы и сущности фундаментальных правовых институтов с их последующей адаптацией к происходящим событиям в стране и мире. Применительно к институту возмещения внедоговорного вреда существенный «прорыв» был совершен в области государственного вознаграждения за вред и убытки, понесенные непосредственно от военных действий.

Литература:

1. *Беляцкий С.А. Война и государственное вознаграждение. К вопросу о возмещении населению убытков от военных действий / Доклад, читанный в Петрограде 15-го мая 1915 г. – Петроград: Типография товарищества «Общая польза», 1915. – 78 с.*

2. *Беляцкий С.А. Гражданский оборот и война. – Петроград: Типография товарищества «Общая польза», 1915. – 80 с.*

3. *Канторович Я.А. Война и исполнение обязательств. – Петроград.: Сенатская типография., 1917. – 149 с.*

4. *Лазаревский Н.И. Ответственность за убытки, причиненные должностными лицами: Догматическое исслед. – СПб., 1905. – 705 с.*

5. *Моносзон С.М. О происхождении статей 644-682 и 684-689 Свода законов гражданских, Закона 21 марта 1851 г.: Семинарий по гражданскому праву. – М.: Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского, 1913. – 76 с.*

6. *Осецкий Ф.И. Война и обязательства. – Петроград: Типография товарищества А.С. Суворина «Новое Время», 1915. – 28 с.*

7. *Правила о порядке расчетов в военное время в районе театра военных действий за имущество, реквизированное или уничтоженное по распоряжениям военного начальства и уполномоченных им гражданских властей, а равно за убытки, причиняемые неправильными действиями войсковых частей. – М.: Городская типография, 1916. – 24 с.*

8. *Решения гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. – 1812: №82; 1878: №162; 1875: №490; 1887: №14.*

9. *Свод законов Российской империи: Изд. 1914 г. – Т.10. – Ч.1.: Свод законов гражданских. – СПб.: Сенатская типография, 1914. – 1014 с.*

Transformation of tort liability of the institute in Russia in connection with the First world war

L.V. Voytovich, PhD, Associate professor
I.V. Sergeev

The article describes the Institute of tort duty under Russia during the First world war. The changes in the views of its main provisions. Analyzed the rules

governing compensation for the citizens of the harm caused to the state. Presents the views of lawyers on the concept of the "impossibility" of performance of obligations, and the concept of "force majeure".

Keywords: *law to the First world war, tort law, tort legal relations, obligations, harm, damages, civil liability, tort liability, the state fee.*